

СХОЛАСТИКА

Авторы: С. С. Аверинцев

СХОЛАСТИКА (лат. scholastica, от греч. σχολαστικός – школьный), тип религ. философии, характеризующийся принципиальным подчинением примату теологич. вероучения, соединением догматич. предпосылок с рационалистич. методикой и особым интересом к логич. проблематике; получил наиболее полное развитие в Зап. Европе в эпоху зрелого и позднего Средневековья.

Генезис схоластики и периодизация её развития

Истоки С. восходят к позднеантичной философии, прежде всего к [Проклу](#) (установка на вычитывание ответов на все вопросы из авторитетных текстов, каковыми были для Прокла сочинения Платона, а также сакральные тексты античного язычества, энциклопедич. суммирование самой разнообразной проблематики, соединение мистически истолкованного мифа с его рассудочной разработкой). Отцы Церкви подходят к С. по мере завершения работы над догматич. основами церковной доктрины ([Леонтий Византийский](#), [Иоанн Дамаскин](#)). Особое значение имела работа [Бозция](#) по перенесению греч. культуры логич. рефлексии в латиноязычную традицию. Поставленный им вопрос о том, являются ли общие понятия ([универсалии](#)) только внутриязыковой реальностью или же они имеют онтологич. статус, породил длившуюся веками и конститутивную для С. дискуссию между представителями [реализма](#) и [номинализма](#).

Ранняя С. (9–12 вв.) имеет своей социокультурной основой монастыри и монастырские школы. Она рождается в драматич. спорах о месте т. н. диалектики (т. е. методич. рассуждений) при поисках духовной истины. Крайние позиции рационализма ([Беренгар Турский](#)) и фидеизма ([Пётр Дамиани](#)) не могли быть конструктивными для С., средний путь был предложен восходящей к [Августину](#) формулой [Ансельма](#)

Кентерберийского «верую, чтобы понимать» (credo, ut intelligam – имеется в виду, что вера первична как источник отправных пунктов, подлежащих затем умственной разработке). Мыслительные инициативы П. Абеляра и др. теологов 12 в. (шартрская школа, сен-викторская школа) способствовали развитию схоластич. метода и подготовили переход к следующей эпохе.

Высокая С. (13 – нач. 14 вв.) развивается в контексте системы основываемых по всей Европе университетов, фоном служит активное участие в умственной жизни т. н. нищенствующих орденов – соперничающих между собой доминиканцев и францисканцев. Важнейшим стимулом оказывается распространяющееся знакомство с текстами Аристотеля, а также его араб. и европ. комментаторов. Однако попытка ввести в оборот школ те аристотелевские и аверроистские (см. Аверроизм) тезисы, которые были несовместимы с основами христианской веры, подвергается осуждению (случай Сигера Брабантского). Господствующее направление, выразившееся прежде всего в творчестве Фома Аквинского, стремится к непротиворечивому синтезу веры и знания, к системе иерархич. уровней, в рамках которой вероучительные догматы и религ.-филос. умозрения оказались бы дополнены ориентирующей на Аристотеля социально-теоретич. и естеств.-науч. рефлексией. Оно находит почву в рамках доминиканского ордена, в первый момент встречает протест со стороны консерваторов (осуждение ряда тезисов епископом Парижским в 1277, за которым последовали аналогичные акты в Оксфорде), но затем всё чаще и уже на столетия воспринимается как нормативный вариант С. Однако авторитарный плюрализм, заданный параллельным сосуществованием в католицизме зрелого Средневековья разл. орденов, создаёт возможность для разработки, прежде всего внутри францисканского ордена, альтернативного типа С., представленного ориентированной на августиновский платонизм мистич. метафизикой Бонавентуры, перенесением акцента с интеллекта на волю и с абстрактного на единичное (haecceitas, «вот-это-вость») у Иоанна Дунса Скота и т. п.

Поздняя С. (14–15 вв.) – обильная кризисными явлениями, но отнюдь не бесплодная эпоха. С одной стороны, доминиканцы и францисканцы перерабатывают творч. почины соответственно Фома Аквинского и Дунса Скота в поддающиеся консервации системы томизма и скотизма, с др. стороны, раздаются голоса, призывающие перейти

от метафизич. умозрения к эмпирич. изучению природы, а от попыток гармонизации веры и разума – к сознательно резкому разведению задач того и другого. Особую роль играют брит. мыслители, оппозиционные к спекулятивному системотворчеству континентальной высокой схоластики. Р. Бэкон призывает к развитию конкретных знаний, У. Оккам предлагает радикальное развитие схолистских тенденций в сторону крайнего номинализма и теоретически обосновывает притязания империи против папства. Определённые аспекты мыслительного наследия этого периода, пересмотра и критики прежних оснований С. были впоследствии усвоены Реформацией.

Схоластический метод

Подчинение мысли авторитету догмата – по известной формуле, восходящей к Петру Дамиани, «философия служанка богословия» (*philosophia ancilla theologiae*) – присуще ортодоксальной С. наряду со всеми др. типами правоверно-церковной религ. мысли, специфично для С. то, что сам характер отношения между догматом и рассудком мыслился при несомненной авторитарности необычно рассудочным и ориентированным на императив внутренней и внешней системности. Как Священное Писание и Священное Предание, так и наследие античной философии, активно перерабатывавшееся С., выступали в ней на правах грандиозного нормативного сверткста. Предполагалось, что всякое знание имеет два уровня – сверхъестеств. знание, даваемое в Откровении, и естеств. знание, отыскиваемое человеческим разумом, норму первого содержат тексты Библии, сопровождаемые авторитетными комментариями отцов Церкви, норму второго – тексты Платона и особенно Аристотеля, окружённые авторитетными комментариями позднеантичных и араб. философов (характерно распространённое в зрелой С. обозначение Аристотеля как *praecursor Christi in naturalibus*, т. е. «предтечи Христова во всём, что касается вещей естественных»). Потенциально в тех и других текстах уже дана полнота истины, чтобы актуализировать её, надо истолковать самый текст (исходный для схоластич. дискурса жанр *lectio*, букв. «чтение», имеется в виду толкование выбранного места из Библии или, реже, к.-л. авторитета, напр. Аристотеля), затем вывести из текстов всю систему их логич. следствий при помощи непрерывной цепи правильно построенных умозаключений (ср. характерный для С. жанр суммы – итогового энциклопедического сочинения, предпосылку для которого даёт жанр сентенций). Мышление С. остаётся

верно гносеологии античного идеализма, для которого настоящий предмет познания есть общее (ср. платоновскую теорию идей и тезис Аристотеля «всякое определение и всякая наука имеют дело с общим», Met. XI, 1059b25), оно постоянно идёт путём дедукции и почти не знает индукции, его осн. формы – дефиниция, логич. расчленение и, наконец, [СИЛЛОГИЗМ](#), выводящий частное из общего. В известном смысле вся С. есть философствование в формах интерпретации текста. В этом она представляет контраст как новоевропейской науке с её стремлением открыть доселе неизвестную истину через анализ опыта, так и мистике с её стремлением узреть истину в экстатич. созерцании.

Парадоксальным, но логичным дополнением ориентации С. на авторитетный текст был неожиданно свободный от конфессионально-религ. мотивации подбор авторитетов «естественного» знания: наряду с такими античными язычниками, как Платон, Аристотель или [Птолемей](#), и мыслителями исламской культуры, как Аверроэс ([Ибн Рушд](#)), в канон зрелой С. входил, напр., исп. еврей [Ибн Гебироль](#), известный как Авицеброн (причём цитировавшие его христианские схоласты помнили, что он не является христианином, но забыли за ненадобностью сведения о его нац. и религ. принадлежности, выясненной лишь исследователями 19 в.). Примечательно, что [«двойственной истины» теория](#) (один и тот же тезис может быть истинным для философии и ложным для веры), решительно отвергаемая томизмом, но приписываемая, напр., Сигеру Брабантскому и предстающая логич. пределом многих тенденций поздней С., является в определённой мере следствием схоластич. авторитаризма: Библия и отцы Церкви – авторитеты, но разноречащие с ними Аристотель и Аверроэс также были восприняты именно как авторитеты.

С. не была бы творч. периодом в истории мысли, если бы она находила в данностях авторитетных текстов готовые ответы, а не вопросы, не интеллектуальные трудности, провоцирующие новую работу ума. Именно невозможность решить вопросы при помощи одной только ссылки на авторитет, обосновывающая самоё возможность С., многократно становилась предметом тематизации. «У авторитета нос восковой, т. е. его можно повернуть и туда, и сюда» («Auctoritas cereum habet nasum, id est in diversum potest flecti sensum»), – отмечал ещё [Алан Лилльский](#), а Фома Аквинский

специально возражает против установки ума на пассивно-описательное отношение к авторитетам: «Философия занимается не тем, чтобы собирать мнения различных людей, но тем, как обстоят вещи на самом деле» («In librum de caelo», I, 22).

Мыслителей С. привлекало рассмотрение сложных герменевтич. проблем, особым случаем было вербальное противоречие между авторитетными текстами, акцентированное ещё в заглавии труда Абеяра «Да и нет» («Sic et non»). Схоласт должен был уметь разобраться в подобных казусах, оперируя категориями семантики (многозначность слова), семиотики (символические и ситуативно-контекстуальные значения, приспособление формы теологич. дискурса к языковым привычкам слушателя или читателя и т. п.), теоретически формулируется даже вопрос аутентичности сочинения и критики текста, хотя подобная филологич. проблематика на службе у богословия в целом остаётся нетипичной для средних веков и составляет характерное завоевание новоевропейской культуры.

Историческое значение схоластики

Влияние С. на современную ей культуру было всеобъемлющим. Мы встречаем схоластич. технику расчленения понятий в проповедях и житиях (напр., в «Золотой легенде» [Якова Ворагинского](#)), схоластич. приёмы работы со словом – в латиноязычной поэзии от гимнографии до песен вагантов и др. сугубо мирских жанров (а через посредство латиноязычной литературы – также и в словесности на нар. языках), схоластич. аллегореза живо ощущается в практике изобразит. искусств. Ориентация на жёстко фиксированные правила мышления, строгая формализация античного наследия помогла С. осуществить свою «школьную» задачу – пронести сквозь этнич., религ. и цивилизационные перемены Средневековья преемственность завещанных античностью интеллектуальных навыков, необходимый понятийно-терминологич. аппарат. Без участия С. всё дальнейшее развитие европ. философии и логики было бы невозможно, даже резко нападавшие на С. мыслители раннего Нового времени вплоть до эпохи Просвещения и нем. классич. идеализма никак не могли обойтись без широкого пользования схоластич. лексикой (до сих пор заметной в интеллектуальном языковом обиходе зап. стран). Утверждая мышление в общих понятиях, С. в целом – несмотря на ряд важных исключений – сравнительно мало способствовала развитию вкуса к конкретному опыту, важному для естеств. наук,

зато её структура оказалась исключительно благоприятной для развития логич. рефлексии, достижения схоластов в этой области предвосхищают совр. постановку многих вопросов, в частности проблем математич. логики.

Гуманисты Возрождения, теологи Реформации и особенно философы Просвещения в борьбе против цивилизационных парадигм Средневековья потрудились, чтобы превратить само слово «С.» в бранную кличку, синоним пустой умственной игры. Однако развитие историко-культурной рефлексии не замедлило установить огромную зависимость всей философии раннего Нового времени от схоластич. наследия, преемственную связь контрастирующих эпох. Достаточно вспомнить, что выдвинутый Ж. Ж. Руссо и сыгравший революционизирующую роль концепт общественного договора восходит к понятийному аппарату С. Парадоксальным образом романтически-реставраторский культ Средневековья, оспоривший негативную оценку С., во многих вопросах стоял дальше от её духа, чем критики С. в эпоху Просвещения (напр., Ж. де Местр, ярый апологет монархии и католицизма, иронизировал по поводу присущей просвещенческому гуманизму абстракции «человека вообще», вне наций и рас, опрокидывая тем самым заодно с идеологией Франц. революции всё здание традиционно-католич. антропологии и впадая в недопустимый «номинализм»).

В замкнутом мире католич. учебных заведений С. в течение ряда веков ещё сохраняла своё существование (см. Вторая схоластика). В контексте романтического и постромантич. историзма 19 в. интерес католич. учёных к С. стимулировал историко-филос. штудии, публикации текстов и т. п. Проект модернизирующей реставрации С. в виде неосхоластики, которая давала бы ответы на совр. вопросы, в 1879 был поддержан папским авторитетом (энциклика Льва XIII «Aeterni Patris», ориентирующая католич. мысль на наследие Фомы Аквинского, – см. Неотомизм). Сильным стимулом для этого проекта оказалась в 20 в. ситуация противостояния тоталитаристским идеологиям, что создавало потребность в апелляции к идеалу «вечной философии» (philosophia perennis), а также в синтезе между принципом авторитета, способным состязаться с авторитарностью тоталитаризма, и противопоставляемым тоталитаризму принципом личности, в примирении христианских и гуманистич. нравств. принципов. После Ватиканского II собора 1962–65 неосхоластика не исчезает как возможность, но границы её идентичности, как и признаки её присутствия в совр.

культуре, всё очевиднее перестают быть осязаемыми.

Литература

Лит.: De Wulf M. Histoire de la philosophie médiévale. 6 éd. Louvain, 1934–1947. Vol. 1–3; The Cambridge history of later medieval philosophy: From the rediscovery of Aristotle to the disintegration of Scholasticism, 1100–1600 / Ed. N. Kretzmann, A. Kenny, J. Pinborg. Camb., 1982; Die Geschichte der scholastischen Methode / Hrsg. M. Grabmann. B., 1988. Bd 1–2; Pieper J. Scholastik. Gestalten und Probleme der mittelalterlichen Philosophie. 3. Aufl. Münch., 1991; Vries J. de. Grundbegriffe der Scholastik. 3. Aufl. Darmstadt, 1993; Southern R. W. Scholastic humanism and the unification of Europe. Oxf. [a. o.], 1995–2001. Vol. 1–2; Коплстон Ф. Ч. История средневековой философии. М., 1997; Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. Долгопрудный, 1997; Schulthess P., Imbach R. Die Philosophie im lateinischen Mittelalter: Ein Handbuch mit einem bio-bibliographischen Repertorium. Düsseldorf; Z., 2000; Шишков А. М. Средневековая интеллектуальная культура. М., 2003; Жильсон Э. Философия в средние века. М., 2010.